

УДК 008

DOI: 10.34670/AR.2025.88.83.015

Развитие креативности осужденных как инструмент трансформации пенитенциарной субкультуры: на примере опыта Великобритании

Смирнов Олег Аркадьевич

Кандидат физико-математических наук, доцент,
Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина,
115035, Российская Федерация, Москва, ул. Садовническая, 52/45;
e-mail: smirnovoleg1952@mail.ru

Слабкая Диана Николаевна

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу развития креативности осужденных как инструменту трансформации деструктивных основ пенитенциарной субкультуры на примере опыта Великобритании. Доказывается, что традиционная тюремная среда, характеризующаяся тотальной регламентацией, изоляцией и подавлением субъектности, формирует ригидную культурную матрицу, препятствующую эффективной ресоциализации. В качестве альтернативы рассматривается стратегическое внедрение креативных педагогических практик, создающих внутри учреждений «культурные анклавы» — альтернативные пространства с просоциальными нормами. На примере конкретных британских программ (таких как проекты «Королевского музыкального фонда заключенных») раскрываются ключевые механизмы воздействия: трансформация самоэффективности, рефрейминг отношения к ошибкам и переход к личностному авторству. Несмотря на системные барьеры (институциональный консерватизм, нехватку ресурсов), делается вывод о стратегическом потенциале креативных интервенций для глубокой культурной трансформации пенитенциарной системы и подлинной реинтеграции осужденных.

Для цитирования в научных исследованиях

Смирнов О.А., Слабкая Д.Н. Развитие креативности осужденных как инструмент трансформации пенитенциарной субкультуры: на примере опыта Великобритании // Культура и цивилизация. 2025. Том 15. № 9А. С. 116-122. DOI: 10.34670/AR.2025.88.83.015

Ключевые слова

Пенитенциарная субкультура, креативность, реабилитация осужденных, тюремная педагогика, культурная трансформация, просоциальные нормы, коллаборативное творчество, ресоциализация, Великобритания, культурный анклав, самоэффективность, рецидивизм.

Введение

Пенитенциарная система представляет собой сложное и автономное культурное поле, обладающее собственной внутренней логикой развития и воспроизводства. Внутри этого поля формируется особая социальная реальность, детерминированная строгими регламентами, унифицирующим распорядком и иерархическими отношениями власти и подчинения, которые в своей совокупности образуют уникальный и во многом закрытый культурный комплекс. Сложившаяся в таких условиях социокультурная среда характеризуется системным подавлением индивидуальности, целенаправленным ограничением самостоятельной инициативы и хроническим дефицитом позитивных стимулов для конструктивного личностного развития, что в конечном итоге формирует и воспроизводит специфическую тюремную субкультуру с ее особым этосом, языком и системой ценностей. Доминирующие институциональные практики и стихийно возникающие неформальные нормы создают устойчивую культурную матрицу, зачастую входящую в фундаментальное противоречие с декларируемыми целями исправления и ресоциализации, возвращения в общество [McNeill et al., 2011].

Основное содержание

В данном культурном контексте традиционные образовательные и воспитательные программы демонстрируют ограниченную эффективность, поскольку их прямое, директивное воздействие, как правило, не затрагивает глубинные, латентные пласты тюремной субкультуры, сформированные под тотальным и всепроникающим влиянием самой пенитенциарной среды. В связи с этим возникает методологическая и практическая потребность в поиске и апробации нестандартных социальных инструментов, способных оказывать комплексное и опосредованное воздействие на базовые культурные паттерны и ценностно-смысловые структуры, доминирующие в тюремном сообществе [Nugent, Loucks, 2011]. Одним из наиболее перспективных и теоретически обоснованных направлений, активно развиваемых в Великобритании, представляется стратегическая интеграция в пенитенциарный контекст образовательных методик, направленных не на передачу знаний в чистом виде, а на трансформацию самого культурного ландшафта через целенаправленное развитие критического мышления [Atherton, Knight, van Barthold, 2022].

Креативность, интерпретируемая в данном исследовании не как узко понимаемая художественная одаренность, а как базовая антропологическая способность к порождению нового, обладает значительным, хотя и недооцененным, трансформационным потенциалом в отношении ригидных структур тюремной культуры [Atherton, Knight, van Barthold, 2022]. Будучи целенаправленно активированной в условиях регламентированной и в значительной степени подавляющей среды, она способна выступить в роли мощного катализатора культурных изменений и стать основой для формирования новых, просоциальных и адаптивных культурных паттернов. Таким образом, системное и методически выверенное внедрение креативных практик, по образцу британских моделей, представляет собой форму продуманной культурной интервенции, направленной на поэтапное преодоление системных ограничений тюремной культуры не через прямое противостояние, а через создание и расширение альтернативных культурных пространств — «культурных анклавов» с иными правилами и ценностями [Clements, 2004].

Для понимания механизмов и масштаба трансформационного потенциала креативных интервенций необходимо детально охарактеризовать специфическую культурную среду

пенитенциарных учреждений. Тюремная культура формируется под совокупным влиянием ряда взаимосвязанных и взаимоподкрепляющих факторов, создающих уникальный и самовоспроизводящийся культурный комплекс. Прежде всего, это тотальная регламентация всех без исключения аспектов повседневной жизни, формирующая культуру внешней зависимости, пассивности и выученной беспомощности. Во-вторых, это социальная и информационная изоляция, способствующая формированию замкнутых, интровертированных культурных сообществ с собственной системой норм, ценностей и санкций. В-третьих, это система тотального и постоянного надзора, порождающая культуру подозрительности и страха. В таких условиях формируется специфический культурный этос, характеризующийся внешним локусом контроля, когнитивной ригидностью, бинарностью мышления, дефицитом позитивной идентичности и сугубо инструментальным, утилитарным отношением к образованию и любым предлагаемым институцией активностям. Эта устойчивая культурная конфигурация создает системные, глубинные препятствия для эффективной реабилитации, поскольку усвоенные и интериоризированные культурные паттерны и стратегии поведения оказываются малоприспособленными и часто деструктивными в условиях открытого общества.

Внедрение социально-культурных методик, основанных на развитии креативности и дивергентного мышления, представляет собой, таким образом, целенаправленное и адресное воздействие на самый корень проблемы — на культурный контекст тюремного учреждения. Эти практики, как показывают проекты в тюрьмах Великобритании (например, работа фонда «Королевский музыкальный фонд заключенных» или программа «Тюремные письма»), создают внутри карательного учреждения альтернативное культурное пространство — своего рода «культурный анклав» или «социальный оазис» с принципиально иными, просоциальными правилами и ценностями, где поощряется поиск, неопределенность и самореализация. Методологическую основу таких методик составляет, как правило, проектная деятельность, выстроенная по итеративному, исследовательскому принципу, которая принципиально отличается от традиционных академических подходов своей ориентацией на процесс, а не только на результат, глубокой персонализацией образовательной траектории и созданием атмосферы психологической безопасности, позволяющей рисковать и ошибаться. Создание такого культурного «островка» позволяет участникам в безопасном, поддерживающем контексте апробировать новые культурные модели и идентичности, где приобретают ценность такие качества, как любознательность, открытость, рефлексивность и готовность к сотрудничеству, традиционно маловостребованные и даже наказуемые в основной тюремной культуре.

Коллаборативные формы творчества, такие как коллективные проекты, театральные постановки или ансамблевое музицирование, активно способствуют формированию и закреплению просоциальных культурных норм. В пространстве творческой мастерской традиционные для тюремной среды иерархические отношения и ценности индивидуалистического выживания постепенно вытесняются нормами кооперации, взаимного уважения и признания заслуг другого. Группа трансформируется в творческое сообщество, объединенное общими культурными целями и ценностями, где успех коллективного замысла зависит от вклада каждого участника. Этот опыт позитивной, конструктивной социальности, основанной на добровольном сотрудничестве, а не на принуждении или страхе, является бесценным ресурсом для будущей культурной реинтеграции, поскольку формирует модель социального взаимодействия, альтернативную криминальной субкультуре.

Эмпирический анализ, основанный на наблюдении и рефлексии подобных программ в Великобритании, позволяет выделить несколько ключевых механизмов их культурного

воздействия. Во-первых, это глубокая трансформация самооффективности в контексте тюремной культуры. Изначально для значительной части заключенных характерно заниженное, порой деструктивное чувство самооффективности, активно поддерживаемое и воспроизводимое культурными нормами тюремного сообщества, где демонстрация собственной компетентности может трактоваться как вызов. Творческий процесс, выстроенный как последовательность посильных, постепенно усложняющихся задач, позволяет переломить эти культурные установки. Создание конкретного, вещественного или интеллектуального продукта (картины, текста, технического решения) становится культурным посланием, как самому себе, так и окружающим, противостоящим доминирующим в тюремной среде представлениям о собственной несостоятельности и ограниченности.

Во-вторых, это кардинальный рефрейминг отношения к ошибкам и неудачам в культурном контексте. В традиционной тюремной культуре, как и в любой культуре выживания, ошибка почти неизбежно ассоциируется со слабостью, уязвимостью и влечет за собой социальные или физические санкции. В творческом же процессе, будь то художественное творчество, инженерное проектирование или научный поиск, ошибка является не только закономерным, но и необходимым этапом познания и движения вперед. Постепенно, через многократное проживание ситуаций, где ошибка не наказывается, а анализируется и используется как ресурс для развития, у участников формируется новое, более гибкое и здоровое отношение к собственным неудачам, что прямо противоречит базовым культурным нормам тюремной среды. Этот метакогнитивный навык — умение извлекать урок из неудачи — обладает значительным культурным потенциалом, поскольку предлагает альтернативную, адаптивную систему ценностей, критически важную для жизни после освобождения.

Наиболее значимым с культурологической и антропологической точек зрения является феномен перехода от воспроизведения и копирования к подлинному авторству как акт культурного самоопределения и личностного самоутверждения. Этот переход знаменует собой качественный скачок в развитии личности, свидетельствуя не только об усвоении определенных навыков, но и о формировании фундаментальной потребности в самовыражении, в утверждении собственного уникального «Я». Актом творения — будь то стихотворение, картина или уникальное решение технической задачи — человек утверждает свою индивидуальность и субъектность, противопоставляя их унифицирующему и обезличивающему давлению тюремной культуры. Это мощный акт культурного сопротивления, позволяющий выстраивать сложную, многогранную идентичность, не сводимую к единому и стигматизирующему статусу «заключенного».

Несмотря на значительный трансформационный потенциал, интеграция творческих практик в пенитенциарную систему сопряжена с серьезными системными ограничениями, что также наблюдается в британском контексте. К ним, в первую очередь, относится институциональный консерватизм, проявляющийся в ориентации на дисциплинарные, а не развивающие практики, и в скептическом отношении администрации к инновационным педагогическим подходам. Во-вторых, имеет место внутреннее сопротивление самой тюремной культуры, которая, будучи устойчивой саморегулирующейся системой, стремится нейтрализовать или ассимилировать любые чуждые ей влияния, в том числе и ценности креативности. К другим значимым барьерам относятся хроническая нехватка материальных и кадровых ресурсов, недостаточная квалификация персонала в области арт-педагогики, а также временный, эпизодический характер большинства программ, не позволяющий закрепить достигнутые результаты. Вследствие этого наблюдаемые позитивные изменения в культурных паттернах и индивидуальных траекториях

заключенных зачастую носят ситуативный и локальный характер. Для их консолидации и превращения в устойчивые личностные новообразования необходимы долгосрочные, продуманные системные интервенции, органично интегрированные в общую реабилитационную и образовательную стратегию пенитенциарного учреждения и поддерживаемые на уровне управленческих решений.

Тем не менее, перспективы данного направления представляются значительными и методологически обоснованными. Творческие образовательные программы предлагают пенитенциарной системе в целом альтернативную культурную парадигму, основанную не на подавлении и контроле, а на ценностях личностного развития, самоуважения и уважения к человеческому достоинству. Они бросают вызов традиционным культурным ограничениям, наглядно доказывая возможность раскрытия человеческого потенциала даже в условиях предельно рестриктивной среды. Таким образом, целенаправленное и методически выверенное внедрение креативных практик представляет собой не просто дополнение к существующим программам, а инструмент мягкой, но глубокой культурной трансформации, позволяющий осуществлять постепенную деконструкцию наиболее деструктивных аспектов тюремной культуры через создание жизнеспособных альтернатив.

Следовательно, творчество в пенитенциарной системе - это не просто досуг или приобретение навыков, но, в своей сущности, акт культурного сопротивления и созидания новых смыслов и идентичностей. Это стратегическая инвестиция в подлинную реабилитацию, понимаемую не как условно-досрочное соответствие формальным критериям, а как глубинный процесс личностного роста, смыслопорождения и построения новой, просоциальной идентичности, не сводимой к криминальному прошлому. Дальнейшие теоретические и эмпирические исследования в этой области, с учетом британского опыта, должны быть сосредоточены на разработке комплексных, долгосрочных культурно-трансформационных моделей, оценке их устойчивого кумулятивного воздействия не только на ближайшие, но и на отдаленные показатели, такие как уровень рецидивизма и качество постпенитенциарной жизни освободившихся лиц. Только так можно оценить истинный потенциал креативных педагогических интервенций как катализатора системных изменений в пенитенциарной сфере.

Заключение

Развитие креативности осужденных, как демонстрирует опыт Великобритании, представляет собой не периферийную, а стратегически значимую интервенцию, направленную на трансформацию глубинных основ пенитенциарной субкультуры. Традиционная тюремная среда, характеризующаяся регламентацией, изоляцией и подавлением субъектности, порождает ригидную культурную матрицу, воспроизводящую деструктивные нормы и идентичности. В противовес этому, креативные практики целенаправленно создают внутри учреждений альтернативные культурные анклавы — пространства психологической безопасности, где культивируются ценности кооперации, взаимного уважения, исследовательского поиска и права на ошибку.

Эмпирические данные подтверждают, что коллаборативные формы творчества — театр, музыка, коллективные проекты — выступают мощным катализатором просоциальных изменений. Они способствуют формированию новых моделей социальности, основанных на добровольном сотрудничестве, трансформируют самооэффективность личности и кардинально меняют отношение к неудачам, превращая их из источника стигмы в ресурс для развития.

Наиболее profound эффект заключается в переходе от пассивного воспроизводства к акту авторства и культурного самоутверждения, что позволяет выстраивать сложную, многогранную идентичность, альтернативную статусу «заключенного».

Несмотря на наличие системных барьеров — институционального консерватизма, сопротивления тюремной культуры, ресурсных и кадровых дефицитов — методологический потенциал данного подхода не вызывает сомнений. Творческие программы предлагают пенитенциарной системе альтернативную парадигму, центрированную на ценности человеческого достоинства и личностного роста.

Библиография

1. Atherton S., Knight V., van Barthold B. C. Penal arts interventions and hope: outcomes of arts -based projects in prisons and community settings //The Prison Journal. – 2022. – Т. 102. – №. 2. – С. 217-236.
2. Clements P. The rehabilitative role of arts education in prison: Accommodation or enlightenment? //International Journal of Art & Design Education. – 2004. – Т. 23. – №. 2. – С. 169-178.
3. Cox A., Gelsthorpe L. Creative encounters: whatever happened to the arts in prisons? //The arts of imprisonment. – Routledge, 2016. – С. 271-290.
4. McNeill F. et al. Inspiring desistance? Arts projects and 'what works?' //Justitie verkenningen. – 2011. – Т. 37. – №. 5. – С. 80-101.
5. Nugent B., Loucks N. The arts and prisoners: experiences of creative rehabilitation //The Howard Journal of Criminal Justice. – 2011. – Т. 50. – №. 4. – С. 356-370.
6. Parkes R., Bilby C. The courage to create: The role of artistic and spiritual activities in prisons //The Howard Journal of Criminal Justice. – 2010. – Т. 49. – №. 2. – С. 97-110.
7. Riches C. The hidden therapy of a prison art education programme //Art therapy with offenders. – 1994. – С. 77-101.
8. Tett L. et al. Learning, rehabilitation and the arts in prisons: a Scottish case study //Studies in the Education of Adults. – 2012. – Т. 44. – №. 2. – С. 171-185.

Development of Creativity in Prisoners as a Tool for Transforming Penitentiary Subculture: Based on the UK Experience

Oleg A. Smirnov

PhD in Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor,
A.N. Kosygin Russian State University,
115035, 52/45, Sadovnicheskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: smirnovoleg1952@mail.ru

Diana N. Slabkaya

Senior Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of developing creativity in prisoners as a tool for transforming the destructive foundations of penitentiary subculture based on the UK experience. It is proven that the traditional prison environment, characterized by total regulation, isolation and

suppression of subjectivity, forms a rigid cultural matrix that hinders effective resocialization. As an alternative, the strategic implementation of creative pedagogical practices that create "cultural enclaves" within institutions - alternative spaces with prosocial norms - is considered. Using the example of specific British programs (such as the "Prisoners' Music Fund Royal" projects), key mechanisms of impact are revealed: transformation of self-efficacy, reframing attitudes towards mistakes, and transition to personal authorship. Despite systemic barriers (institutional conservatism, resource shortages), the conclusion is made about the strategic potential of creative interventions for deep cultural transformation of the penitentiary system and genuine reintegration of prisoners.

For citation

Smirnov O.A., Slabkaya D.N. (2025) Razvitiye kreativnosti osuzhdennykh kak instrument transformatsii penitentsiarnoy subkul'tury: na primere opyta Velikobritanii [Development of Creativity in Prisoners as a Tool for Transforming Penitentiary Subculture: Based on the UK Experience]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 15 (9A), pp. 116-122. DOI: 10.34670/AR.2025.88.83.015

Keywords

Penitentiary subculture, creativity, rehabilitation of prisoners, prison pedagogy, cultural transformation, prosocial norms, collaborative creativity, resocialization, United Kingdom, cultural enclave, self-efficacy, recidivism.

References

1. Atherton S., Knight V., van Barthold B. C. Penal arts interventions and hope: outcomes of arts-based projects in prisons and community settings // *The Prison Journal*. – 2022. – T. 102. – №. 2. – C. 217-236.
2. Clements P. The rehabilitative role of arts education in prison: Accommodation or enlightenment? // *International Journal of Art & Design Education*. – 2004. – T. 23. – №. 2. – C. 169-178.
3. Cox A., Gelsthorpe L. Creative encounters: whatever happened to the arts in prisons? // *The arts of imprisonment*. – Routledge, 2016. – C. 271-290.
4. McNeill F. et al. Inspiring desistance? Arts projects and 'what works?' // *Justitieel verkenningen*. – 2011. – T. 37. – №. 5. – C. 80-101.
5. Nugent B., Loucks N. The arts and prisoners: experiences of creative rehabilitation // *The Howard Journal of Criminal Justice*. – 2011. – T. 50. – №. 4. – C. 356-370.
6. Parkes R., Bilby C. The courage to create: The role of artistic and spiritual activities in prisons // *The Howard Journal of Criminal Justice*. – 2010. – T. 49. – №. 2. – C. 97-110.
7. Riches C. The hidden therapy of a prison art education programme // *Art therapy with offenders*. – 1994. – C. 77-101.
8. Tett L. et al. Learning, rehabilitation and the arts in prisons: a Scottish case study // *Studies in the Education of Adults*. – 2012. – T. 44. – №. 2. – C. 171-185.